

Со смертью — не все кончается.

Секст Проперций

В биографии Александра Сергеевича Пушкина, его переписке и произведениях мы не раз встречаем упоминание об его одесском знакомом и сослуживце Алексее Ираклиевиче Левшине, литераторе, ученом и выдающемся государственном деятеле. Что же связывает Левшина и Пушкина?

ПРЕДЫСТОРИЯ

А. И. Левшин. Литография первой трети XIX в.

Алексей Ираклиевич Левшин — выходец из старинного дворянского рода, известного в России еще с XIV века. Он родился 26 августа 1798 года в родовом имении Левшиных селе Пожилино Ефремовского уезда Тульской губернии. С отличием окончил Воронежскую гимназию (в 1814) и Харьковский университет со степенью магистра гуманитарных наук в 1816 году. Именно во время учебы в университете у него зародилась страстная любовь к истории и этнографии. Свой первый опыт в историографии он воплотил в своей книге *«Письма из Малороссии»*, вышедшей также в 1816 году. Написана она была в стиле сентиментализма по подобию карамзинских *«Писем русского путешественника»* и несла на себе ощутимый отго-

лосок мировоззренческих концепций французских цивилизаторов. В своих представлениях об обществе Левшин исходил из основополагающей идеи просветителей о вечности и неизменности природы человека, изначально заданной ему на все времена.

Барский дом в имении Левшиных в селе Позжилино. Фотография нач. XX в.

А НАЧАЛОСЬ ВСЕ В ПЕТЕРБУРГЕ...

Пушкин окончил Царскосельский лицей в 1817 году. После его окончания семнадцатилетний поэт поступил на государственную службу, как и остальные выпускники, став коллежским секретарем в Коллегии Иностранных дел в Петербурге. Левшин поступает туда же год спустя.

Пушкин, который на тот момент также имел на своем счету несколько великолепных произведений, лишь числился в Коллегии. Она была для него местом важных и интересных встреч. Там он встречался с А. С. Грибоедовым и будущим декабристом А. Д. Улыбашевым, служившим переводчиком. Александр Сергеевич определил свой путь еще в лицее, в стихотворении *«К другу стихотворцу»*. Там он пишет: *«И знай, мой жребий пал, я лиру избираю...»*. Дипломатическая служба и служение *«слепой Фемиде»* его совсем не привлекали, в то время как для амбициозно настроенного Левшина она была средством построения прекрасной карьеры на гражданском поприще и массы серьезных и обстоятельных исследований.

НА НОВОМ МЕСТЕ СЛУЖБЫ

1820 год стал отправной и во многом решающей точкой для обоих литераторов. Пути их разошлись. Пушкин, в июне, — за вольнодумство и выпуск в свет нескольких едких эпиграмм на власть, в том числе и оду *«Вольность»*, был отправлен в знаменитую «южную ссылку» — романтический период его творчества, который в официальных документах значился как перевод на новое место службы. Молодой Пушкин проявил себя носителем либеральных настроений, которыми жила прогрессивная патриотически настроенная дворянская молодежь. Благодаря вмешательству в дело Чаадаева и Карамзина, серьезных последствий молодой Пушкин избежал.

В июле того же года для исполнения официального рескрипта царя небольшая дипломатическая миссия в составе В. Ф. Тимковского, А. И. Левшина, П. Д. Черкасского и П. А. Корсакова [родного брата одноклассника Пушкина по лицее Н. А. Корсакова. — прим. авт.] отправилась в административный центр обширного и малоизученного на тот момент Оренбургского края. Им поручались вопросы, касавшиеся совершенствования местного судопроизводства и улучшения политических отношений с казахами и народами пограничных государств. Левшин увозил на новое место службы много творческих планов и стремлений, надеясь обрести там желанный простор для плодотворной государственной и научной деятельности.

Уже в ноябре 1820 года в *«Вестнике Европы»* была напечатана первая статья Левшина по истории казахского народа — *«Свидание с ханом Меньшой Киргиз — Кайсацкой орды»*. Этой темой он заинтересовался еще будучи в Петербурге. Так вспоминал он сам: *«Первые понятия мои о сем народе почерпнуты мною из архива Азиатского департамента Министерства Иностранных дел, в течение 1819 и 1820 годов. Я пополнил оные подробностями, замечаниями, поверками и всякого рода сведениями в последовавшие за тем два года, кои провел я в Оренбурге и в степях Зауральских...»*. (см. предисловие к 1 тому *«Описания киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей»*) Позднее в свет выйдут *«Историческое и статистиче-*

ское обозрение уральских казаков» и его знаменитый трехтомник «*Описание киргиз-кайсацких или киргиз-казачьих орд и степей*».

Командировка Левшина продлилась до 1822 года. Вследствие опалы на руководителя группы В. Ф. Тимковского Алексей Ираклиевич получил увольнение от должности и оставил Оренбургский край.

ОДЕССКИЙ ПЕРИОД

В начале 1823 года наместник Бессарабии Новороссийский генерал-губернатор Михаил Семенович Воронцов начинает укомплектовывать свою канцелярию. На тот момент, по понятиям того времени, она была одной из самых многочисленных в России и насчитывала 37 чиновников.

Воронцов предложил Левшину должность секретаря своей канцелярии. И уже 31 мая 1823 года он отправляется на новое место службы в Одессу. Так это назначение описывал один из самых язвительных мемуаристов той эпохи Ф. Ф. Вигель: *«Из сих чиновников приехавший первый и, конечно, примечательнейший из них был Алексей Ираклиевич Левшин, человек лет двадцати пяти. У него были и познания, и способности, и трудолюбие вместе с врожденною ко всем приветливостью, которая, равна будучи и со старшими, не могла иметь ни малейшего вида подлости; сверх того, довольно заметное честолюбие — одним словом, все средства к возвышению. Мне едва ли случалось встретить человека более его благоразумного в поступках, более одаренного тем, что французы называют умом поведения, esprit de conduit. Выгоравшая себя, по всей истине могу сказать, что это было единственное дельное приобретение, сделанное Воронцовым в Петербурге».*

Сам же граф Воронцов писал о Левшине практически то же самое: *«Левшин — настоящий государственный деятель, во всем понимании этого слова. Здравый суд; возделываемый дух; обширное и творческое мышление; праведность, возвышенное отношение; благое сердце; доброта; все вместе в нем. Это сделало его самым выдающимся человеком. Скажите спасибо небу, что для славы и процветания нашей возлюбленной России у нее было как можно больше таких заслуженных людей, как Левшин»* (см. статью М. П. Щербинина в газете «Голос» 1868 года № 3).

География поездок Пушкина в период 1820—1824 годов была весьма обширной и включала в себя юг Малороссии, Крым, Бессарабию. Биография поэта того периода наполнена яркими событиями: тут и поездки поэта по Крыму, и прелести армейской жизни в Кишиневе, и богатая событиями и интригами, почти столичная, жизнь в Одессе, куда в июле 1823 года он добивается перевода: *«Здоровье мое давно требовало морских ванн, я насилу уломал Инзова, чтоб он отпустил меня в Одессу, — я оставил мою Молдавию и явился в Европу. Ресторация, итальянская опера напомнили мне старину и, ей-богу, обновили мою душу...»*. (см. письмо Пушкина брату Льву, 25 авг. 1823 года). А. И. Тургенев в письме к князю Петру Вяземскому перевел эту ситуацию в анекдотическую: *«Граф Воронцов сделан новороссийским и бессарабским генерал-губернатором. Не знаю еще, отойдет ли к нему и бес арабский (Пушкин)...»* (см. А. И. Тургенев в письме кн. Петру Вяземскому, 9 мая 1823 г.).

Одесса тогда — центр огромного края, обнимающего Черное море. Это, по-сути, второй европейский город России после Петербурга. Одессе даровано право на порто-франко, а также на бесцензурную доставку газет.

Одессу Пушкин хвалит за ресторан француза Галона, то ругает за грязь, мостить улицы тогда только начинали. За несносный для северянина климат обзывает: *«летом — песочница, зимой — чернильница»* — по частям письменных приборов на каждом столе в канцелярии генерал-губернатора графа Воронцова. Себя же Пушкин уподобляет римскому поэту Овидию, сосланному в эти самые края императором Августом. Свое жалование Пушкин принимает как паек ссыльного. Отношения с Во-

ронцовым не заладились с самого начала. Пушкин служить не хотел, он привлекал к своей персоне слишком много внимания.

Канцелярия Воронцова находилась на улице Херсонской, 42. Там же жили Воронцовы до постройки своего великолепного дворца. На первом этаже помещалась часть канцелярии, которую возглавлял Казначеев.

Мраморная лестница в этом доме вела в большой зал, который разделял две комнаты. В гостиной собирались приглашенные графиней, в бильярдной — графом. Так сказать, общество «поэтическое» и общество «практическое». Пушкин всегда бывал в первом и никогда не бывал во втором. Левшин же, наоборот, всегда посещал общество «практическое».

Про таких как Воронцов тогда говорили — человек практического ума. Граф Воронцов поэзию Пушкина не то чтобы не любил или не ценил, он ее не понимал, потому что не видел в ней практического смысла, и к Пушкину относился как к мелко-му чиновнику своей канцелярии. Кому такое понравится?

Про отношения Левшина и Пушкина в Одессе писали некоторые мемуаристы. Например, в *«Записках»* Липранди мы находим: *«Но вместе с тем мне казалось странным, что он [Пушкин — прим. авт.] не то чтобы избегал безусловно, но и не искал быть в кругу лиц, шедших тем же литературным путем, как и он. Из них со-сложивцами ему были А. И. Левшин и В. И. Туманский; первого находил он слишком серьезным прозаиком...»*.

Пушкин в письме к В. И. Туманскому от февраля (не позднее 23) 1827 г. в конце спрашивает: *«Нельзя ль чего от Левшина?»* Огромное исследование по поводу доказательства принадлежности этой приписки Пушкину и вообще о взаимоотношениях Левшина и Пушкина провел известный советский литературовед и пушкинист Лев Аврумович Шейман.

Немного иные сведения дает нам К. П. Зеленецкий: *«В то время при графе Воронцове служили многие молодые люди, достигшие впоследствии важных государственных должностей. Пушкин особенно близок был с Алексеем Ираклиевичем Левшиным; с Александром Николаевичем Раевским, который жил тогда в Одессе и имел на нашего поэта какое-то господствующее влияние; с братом его Николаем, который приезжал иногда в Одессу; с Туманским, поэтом, о котором упоминается при описании Одессы, и с некоторыми другими молодыми людьми»*.

В конце осени 1823 года в свет выходит *«Историческое и статистическое обозрение уральских казаков»*, которым сильно заинтересовался Пушкин.

Служебный роман Пушкина с графиней Воронцовой вынудил графа написать прошение к графу Нессельроде о высылке Пушкина из Одессы. Так и произошло. Удалось найти мнение самого Левшина об этом событии: *«Неуместно было бы здесь вспомнить какие-либо черты из жизни Пушкина. Одно только обстоятельство считаю я долгом сосвети разъяснить вам, а именно, что публика несправедливо обвиняла графа Воронцова в преследовании Пушкина. Бессмертный наш поэт, не взирая на огромный талант, был человек до крайности самолюбивый, раздражительный и избалованный безусловным поклонением современников; с другой стороны, он легко поддавался влиянию лиц, успевших приобрести его доверенность, что замечено и его биографами. Одному из таких влияний надо приписать раздражение Пушкина против гр. Воронцова, который осыпал его вежливостями и получал в ответ одни неучтивости. Если желаете знать подробности удаления Пушкина из Одессы, прочтите правдивый рассказ Липранди»* (см. *«На память юбилея А. И. Левшина»*, СПб, 1868 г., с. 51).

Левшин прослужил при графе Воронцове до 1837 года. В 1831-1837 годах он был градоначальником Одессы.

И СНОВА ПЕТЕРБУРГ...

В конце 1830 года Левшин заканчивает написание своей обширнейшей монографии, трехтомника «*Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей*». Уже 6 января 1831 года при помощи Александра Сергеевича появляется выдержка из этой книги в «*Литературной газете*» Дельвига.

Практически одновременно с этим событием Пушкин женится на Наталье Гончаровой и с октября 1831 года они стали снимать свою первую совместную квартиру в Петербурге. И у кого? У семьи будущей жены Левшина. Пушкин сообщает своему другу П. В. Нащокину: «*Пиши мне: На Галерной в доме Брискорн*».

Там у молодоженов рождается дочь Мария. Здесь была начата поэма «*Езерский*» и написаны «*Моцарт и Сальери*», «*Пир во время чумы*», одна из частей «*Евгения Онегина*».

Сейчас это дом № 53 по улице Галерной. Напоминанием о том, что здесь когда-то жил великий Пушкин, служит мемориальная доска и гостиница с пафосным названием «*Счастливые Пушкин*».

Выпуск «Литературной газеты» от 6 января 1831 года.

Обложка первого тома «Описание киргиз казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей», 1832 год.

Во время проживания в этом доме у Натальи Гончаровой сложились очень близкие дружеские отношения с будущей женой Левшина Елизаветой Федоровной. Это мы видим из ее письма к ней от 10 июля 1832 года: «*Спасибо, мой ангел, моя сестрица, ты насматывающий ангел. Вчера я получила твое письмо, и за него тебя благодарю тысячу раз. Уверяю тебя, что прежде, чем его прочесть, увидела только твою руку, без Матушки. И кровь моя застыла. Милый друг, если тебе еще раз удастся самой мне написать, постарайся сообщить, прежде всего, почему она сама не пишет. Твое письмо прекрасно, тысячу раз прекрасно, и ты показываешь, что у тебя веселый вид. Ох, моя сестрица, я тебя знаю, ты обманываешь, мой дружок, позволяй мне сомневаться в этой очевидности; я вижу тебя с полными слез глазами в карете, едущей в Курск. Вообще когда речь идет о моей персоне, у тебя всегда в письмах улыбка. Бог так хочет, да будет так...*» (см. <http://www.litfund.ru/auction/126/26/>).

Алексей Ираклиевич и Елизавета Брискорн узаконили свой союз в 1832 году, тогда же окончательно было опубликовано «*Описание киргиз-казацких, или киргиз-кайсацких, орд и степей*».

В 1834 году выходит «*История Пугачева*», написанная Пушкиными. В ней он указывал на произведение, ранее написанное Левшиным: «*Некоторые из ученых яицких казаков почитают себя потомками стрельцов. Мнение сие не без основания, как увидим ниже. Самые удовлетворительные исследования о первоначальном поселении*

яицких казаков находим мы в «Историческом и статистическом обозрении уральских казаков», сочинении А. И. Левшина, отличающемся, как и прочие произведения автора, истинной ученостью и здравой критикою» (см. ПСС (1981 г.) том 7, стр. 85).

В статье, напечатанной в 1835 году в «Сыне Отечества», господин Броневский стал критиковать «Историю Пугачева»: «*Вся первая глава, служащая введением к «Ист. Пуг. бун.», как краткая выписка из сочинения г. Левшина, не имела, как думаем, никакой нужды в огромном примечании к сей главе (26 стр. мелкой печати), которое составляет почти всю небольшую книжку г. Левшина. Книжка эта не есть древность или такая редкость, которой за деньги купить нельзя; посему почтенный автор мог и должен был ограничить себя одним указанием, откуда первая глава им заимствована.*

На что Пушкин смело отвечал: «*Полное понятие о внутреннем управлении яицких казаков, об образе жизни их и проч. необходимо для совершенного объяснения Пугачевского бунта; и потому необходимо и огромное (то есть пространное) примечание к 1-й главе моей книги. Я не видел никакой нужды пересказывать по-своему то, что было уже сказано как нельзя лучше г-м Левшиным, который, по своей благосклонной снисходительности, не только дозволил мне воспользоваться его трудом, но еще и доставил мне свою книжку, сделавшуюся довольно редкою.*

ЭПИЛОГ

Далее пути их разошлись... Пушкин продолжил писать, а Левшин — служить Отечеству. Он дослужился до чина действительного тайного советника. Был одним из основателей Русского географического общества, товарищем министра внутренних дел Российской империи, участником и вдохновителем одной из важнейших реформ 19 века — отмены крепостного права. Умер он 19 сентября 1879 года в курском имении Хомутовка и похоронен в склепе возле церкви села Пожилино Ефремовского района.

Ныне склеп разрушен, его не пощадило ни время, ни люди... Но память об этом выдающемся человеке жива по сей день.